

ПАМЯТЬ

У М. С. Сарьяна, народного художника СССР, было две родины: одна – родина его детства, другая – родина его предков, родного народа. Первую половину жизни он прожил в России: в Ростове–на–Дону, Москве, донской сельской местности.

Мартiros Сергеевич Сарьян родился 28 февраля 1880 г. в Нахичевани–на–Дону (ныне Пролетарский район г. Ростова). Сын армянских крестьянских переселенцев, он рано узнал тяжелый хлеборобский труд. Детские и юношеские годы художника прошли в хуторе Сарьяновка, ныне х. Чкалов Мясниковского района Ростовской области.

Мартiros Сергеевич с любовью вспоминает об этом времени: «Маленький хуторочек, в котором жил мой отец со своей многочисленной семьей, находился в пятидесяти верстах на северо–запад от Ростова. В этом хуторочке, заброшенном в степи, я провел свои золотые детские годы. Эти условия жизни давали мне возможность наблюдать природу, животных и трудовой крестьянский труд». Высокые травы, море пахучих степных цветов («с реющими над ними миллионами многоцветных бабочек и снующими под ногами или греющимися на солнце ящерицами... Яркое солнце, до изнурения жаркие дни...») Эти детские впечатления остались навсегда в памяти художника. Именно здесь в травах и цветах Донщины он впервые ощутил огромное счастье жизни и красоту донской земли.

Семи лет Мартiros Сарьян писал и читал на русском и армянском языках, знал арифметику. Вместе со старшим братом Серобом он был отдан в русское Нахичеванское городское училище.

Больше всего Мартiros полюбил черчение и рисование, которое преподавал Андрей Иванович Бахмутский. Бахмутскому принадлежала лучшая живописная мастерская в городе.

По словам Сарьяна, это был «обаятельный человек и прекрасный педагог». Маленький Сарьян получал только отличные отметки по его предметам. Учитель географии Мирошкин тоже любил Сарьяна за то, что он приносил в класс карты. Летние каникулы братья проводили на хуторе, помогая старшим в полевой работе. Работая, они громко распевали русские и украинские песни. С интересом наблюдали за взрослыми крестьянскими девушками и парнями, веселившимися под гармонику.

А назавтра предстоял жаркий трудовой крестьянский день. Не тогда ли глубоко запал в душу ребенка образы, воплощенные в его произведениях, о природе Дона. В эти годы им написаны серия рисунков в разные времена года, портреты матери и сестер... В 11 лет Мартiros постигло большое горе – умирает от холеры отец. «Вся его жизнь прошла в повседневной напряженной борьбе за существование», – вспоминает художник. У Сарьяна на всю жизнь остались самые светлые воспоминания об отце. Его трудолюбие, честность, доброту унаследовали его дети. (В семье было 9 детей).

После смерти отца старший брат Ованес помог продолжить учебу своим младшим братьям Серобу и Мартirosу в Нахичеванском

городском училище. Окончив училище, в 15 лет Мартiros поступает на службу в контору по распространению газет и журналов.

Осенью и суровой ростовской зимой, по грязи и снегу приходилось таскать несколько раз в день с почты тяжелые пакеты с письмами, газетами. В свободное время он делал наброски с посетителей. По совету товарища брата, Амбарданова, студента Московского Лазаревского института, увидевшего в этих рисунках серьезное призвание, брат Ованес решает послать Мартirosа учиться живописи.

Студент Московского университета, наш земляк, впоследствии знаменитый хирург Амбарцум Кечек устраивает его в Москве, показывает студенту Московского училища живо-

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

В Ростове М. Сарьян много занимается педагогической деятельностью, он избирается членом Высшего художественного Совета Донского края и Комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. В это время его связывает большая дружба с Мариэттой Шагинян.

В 1918 г. он оформляет книгу стихов М. Шагинян «Ориенталия». «От стихов этой молодой девушки веяло ароматом, как от букета цветов, и поэтому я решил украсить обложку «Ориенталии» именно цветами», – вспоминает художник. Позднее он напишет портрет молодой М. Шагинян.

В эти годы Сарьян вел класс живописи в

130 лет со дня рождения Мартirosа Сергеевича Сарьяна (1880 – 1972 гг.)

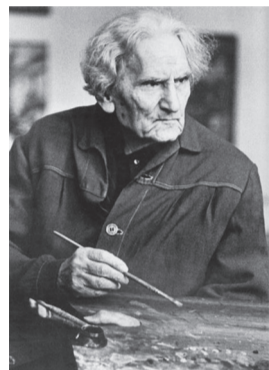
художественной школе имени Врубеля, которая помещалась в здании, где ныне находится библиотека имени Пушкина в Пролетарском районе. Возглавляла школу скульптор Магдалина Сергеевна Шагинян, а курс лекций по истории искусства и эстетике читала Мариэтта Сергеевна Шагинян.

В этой школе преподавали также А. Силин, Д. Федоров, Е. Лансеро и др. Это первая на юге России советская художественная школа была примечательным явлением в культурной жизни города. Одновременно с преподаванием в 1919 году Сарьян занялся созданием армянского краеведческого музея и стал его первым директором. Художник ставит вопрос об экспедиции по армянским селам с целью сбора материала для музея. Сам первым осуществляет поездку в село Чалтырь, о котором пишет: «Чалтырь в смысле сохранения особенностей черта быта армянского крестьянина занимает первое место...»

Здесь очень многое сохранилось, и если окажутся небольшие средства, очень нетрудно будет иметь великолепные образцы, модели, начиная с жилого помещения с оригинальной обстановкой, домашней утварью, кончая типическими фигурами людей в своих нарядах».

В 1920 году М.С. Сарьяном была написана весьма своеобразная картина «Дерево рода Хатламаджи», уроженцев села Чалтырь, а также цикл зарисовок селения Чалтырь. В это же время иллюстрирует «Красную книгу» известного общественного деятеля Нахичевани Г.И. Чалхушьяна о трагедии геноцида в Западной Армении.

С Ростовом связано у Сарьяна и начало его деятельности в области театрально–декорационной живописи. Первой его работой для сцены было оформление спектакля «Принцес-

Сарьян много работает, много путешествует, участвует в выставках. В 1916 г. М. Сарьян приезжает в Ростов с женой Лусик. В январе 1917 г. здесь же рождается его старший сын Саркис, названный в честь отца М.С. Сарьяна. Сам он некоторое время живет в Тифлисе, а весной 1918 г., во время гражданской войны, с большими трудностями пробирается в Ростов к семье. Жил Мартiros Сергеевич в доме на Софиевской, 27 (ныне Первая Майская, № 29). На этом хорошо сохранившемся здании укреплен мемориальный доска: «В этом доме с 1916 по 1921 год жил выдающийся художник современности, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, действительный член Академии художеств, лау-

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

реат Ленинской и Государственной премий

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

реат Ленинской и Государственной премий Мартiros Сергеевич Сарьян (1880–1972)».

Встреча с мастером

В сентябре 2009 года детской школе искусств села Чалтырь было присвоено имя выдающегося, всемирно известного армянского художника–живописца, мастера кисти, нашего великого земляка, уроженца Новой Нахичевани Мартirosа Сарьяна.

Мартiros Сергеевич своим творчеством и общественной деятельностью прославил не только Армению – историческую Родину, но и край донских армян – свою малую Родину. В преддверии юбилейной даты своими впечатлениями о встрече с Сарьяном поделился преподаватель и заведующий художественным отделением детской школы искусств им. Мартirosа Сарьяна с. Чалтырь, член Союза художников РФ Саркис Андраникович Килафян.

менам. Выслушав нашу просьбу, Дурьян позволил директору Дома–музея Сарьяна Шагену Хачатрян и договорился с ним о нашей встрече с Мартirosом Сергеевичем. Встреча была назначена на вторую половину дня. Когда подошло время, Людвиг Дурьян, мой отец и я отправились к вагону. По дороге к нему мы прошли мимо Дома–музея Ованеса Туманяна и подошли к Дому–музею Мартirosа Сарьяна на улице Москвитина, 21, который был открыт в 1967 году, за год до нашего визита к нему. Мы поднялись на второй этаж, где нас встретил Шаген Хачатрян, и попросил нас немного подождать, так как Сарьян был болен и неважно себя чувствовал, поэтому он в эти дни никого не принимал, но для нас сделал исключение, как землякам, приехавшим с его родины.

Пока мы ждали, я разложил свои работы на полу. Я очень волновался, ведь мне предстояла встреча с самим Сарьяном! Первый раз мне довелось его видеть в день пионерии, 19 мая 1958 года, когда Мартiros Сергеевич проездом в Москву остановился в Ростове и посетил родительский дом в хуторе Чкалове, а затем село Чалтырь, где встречался с пионерами села. Мне в то время было 10 лет. Может быть, именно эта первая встреча в дальнейшем и определила выбор моей профессии художника. И вот спустя ещё 10 лет я, молодой начинающий художник, стою в доме великого варапета, патриарха армянской живописи и жду с ним встречи. Мне было всего 20, а мастеру – 88 лет.

Моё волнение также было связано и с тем, что я не знал литературный армянский язык, так как был такой период в моей жизни, когда

нашему поколению не довелось учить свой родной язык. Он полностью был исключён из учебной программы того времени. Хотя перед поездкой в Ереван я выучил буквы армянского алфавита и кое–как, с большим трудом научился читать, но полностью понимать, а тем более говорить на нём не мог. Мне было не по себе только от одной мысли, как же я буду разговаривать с Мартirosом Сергеевичем. А вдруг он мне скажет, что ты за армянин, если ты не знаешь свой родной язык.

Пока я стоял в ожидании и переживал, дверь зала открылась и к нам вышли Хачатрян и Мартiros Сергеевич. Директор музея поддерживал под руку Сарьяна. Они направились к Людвигу Дурьяну и моему отцу. Затем все вместе подошли ко мне. Мартiros Сергеевич поздоровался со мной за руку. Я ответил ему и ... стоял, остолбенев от растерянности, не представляя себе, как же мне начать с ним разговор. Хачатрян, зная, что я не говорю на литературном армянском языке, и, чтобы хоть как–то выручить меня из создавшегося неловкого положения, обращаясь к Сарьяну, сказал:

– Варпет, еритасарды аерен чи хосум. (Мастер, юноша на армянском языке не говорит.)

Он имел в виду, что я не владею литературным армянским языком. На что Мартiros Сергеевич с улыбкой ответил:

– Минк хороз чинк хосинк, минк галаджи биди аинк. (Мы не пугли, чтобы кукарекать, мы будем говорить.)

– Дело в том, что слово «хосел» на армянском означает говорить, а на нашем диалекте это же слово означает кукарекать. Сарьян, обладая большим чувством юмора, своим юмористическим ответом спас меня от общения на не очень понятном мне в то время языке. Да это же наш человек, который прекрасно знает и говорит на армянском диалекте, на котором мы общаемся у нас дома. Я облегчённо вздохнул.

Моё волнение быстро улеглось, я успокоился, и мы разговорились. Мартiros Сергеевич очень внимательно рассматривал каждую мою работу, подробно интересовался всем: где учился, как учился, у кого учился и т. д. Я с большим удовольствием рассказывал ему о себе, о своей учёбе, о своих планах на будущее, о том, что очень хочу поступить в институт.

Слушая меня, Сарьян то лукаво улыбался, то становился серьёзным, а то опять начинал шутить, рассматривая очередную мою работу. Всё это он делал как–то по–доброму, с большой душевной теплотой, так, как если бы дедушка общался со своим внуком. Во всех его вопросах и высказываниях в отношении меня и моих работ чувствовалась уважительность, тактичность, доброжелательность. Одним словом, это был великий художник и человек.

Затем он взял в руки одну из моих работ – портрет старика, написанный мною на 5–м курсе училища, внимательно рассмотрел его и спросил:

– А почему на холсте так много мелких трещин?

Я объяснил ему, что у меня не было готового холста и мне самому пришлось его грунтовать. И возможно, после высыхания холст потрескался от избытка клея, который я добавил в грунтовку смесь. На это Сарьян сказал мне:

– Больше так никогда не делай. Холст надо грунтовать правильно. Эти слова я запомнил на всю жизнь. На мои вопросы, стоит мне дальше учиться, достаточно ли я подготовлен для поступления в институт; соответствует мой уровень требованиям приёмной комиссии, чтобы учиться в ЕХТИ, Мартiros Сергеевич сказал мне:

– Учись, сынок, учись. Надо обязательно продолжить своё образование, если ты твёрдо решил стать художником.

В конце нашей встречи Сарьян пожелал мне удачи на приёмных экзаменах в институт, успехов в дальнейшей жизни и в творчестве.

Мы поблагодарили его за добрые пожелания и напутствия в мой адрес. Попрошались с варпетом. Я собрал свои работы, и мы вышли на улицу. Стоял тихий тёплый летний ереванский вечер. Я был очень счастлив, ведь то, о чём я мечтал, – увидеть самого Мартirosа Сергеевича Сарьяна и поговорить с ним, наконец, осуществилось. Напутствия великого земляка буквально вдохнули в меня новые силы. Теперь я был уверен, что всё правильно делаю, поступаю в художественно–театральный институт.

Благословение самого Сарьяна очень дорогого стоит. Особенно для такого юного художника, как я, только что начинающего свой творческий путь в жизни. Окрылённый такой поддержкой, я, вернувшись в гостиницу, стал усердно готовиться к вступительным экзаменам. До их начала оставалось ещё четыре дня... Мартiros Сергеевич Сарьян и по сегодняшний день для меня является путеводной звездой, с которым я мысленно общаюсь всю свою жизнь с момента той нашей встречи 42 года назад, сверяя с ним все свои дела и поступки, чтобы быть достойным учеником нашего великого земляка.